

ДОКУМЕНТЫ О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В 1826 ГОДУ

Борьба крестьянства России против крепостничества в начале второй четверти XIX в. исследуется в ряде работ¹. Во многих из них особое внимание уделено движению крестьян в 1826 г., последовавшему непосредственно за восстанием декабристов. В этом плане большой интерес представляет выяснение масштабов борьбы крестьян в районах, расположенных вблизи Петербурга. До выхода в свет сборника документов «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.» Петербургская губерния не значилась в числе тех, в которых в 1826 г. существовало сколько-нибудь серьезное крестьянское движение. Правда, И. И. Игнатович указывала на «довольно сильное брожение, возникшее в различных частях Петербургской губернии», ссылаясь при этом на отрывочные сведения печатных источников² о волнении крестьян в имениях Корсаковой и князя Дондукова в Гдовском уезде и о «каких-то беспорядках в Ямбургском уезде»³. Она утверждала, что «в архиве министерства внутренних дел не сохранилось никаких сведений о волнениях крестьян в Петербургской губернии»⁴. Однако составители упомянутого сборника документов сумели выявить в фонде департамента полиции 33 прошения крестьян этой губернии, поданные Николаю I в марте — мае 1826 г., а также донесение петербургского генерал-губернатора П. В. Голенищева-Путузова управляющему министерством внутренних дел В. С. Ланскому от 5 июля 1826 г., в котором содержится краткий обзор выступлений крестьян в некоторых уездах губернии и мер, принятых для подавления этих выступлений. Этот документ и два прошения крестьян опубликованы в сборнике⁵. Его составители смогли указать (не дифференцируя их по формам) 54 случая выступлений крестьян в 8 уездах Петербургской губернии в 1826 году⁶. Однако если принять во внимание, что всего в стране в том году произошло 178 выступлений крестьян⁷, то становится ясной необходимость более пристального исследования волнений в столичной губернии.

¹ И. И. Игнатович. Борьба крестьян за освобождение. Л.-М. 1924; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.-Л. Т. I. 1946; т. 2. 1958; Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М. 1952; М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. II. М. 1955; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1956; И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крестьянское хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. М. 1959; «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.». Сборник документов. М. 1961; «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. IV. М. 1967, и др. По этой тематике интересны статьи М. С. Балабанова, А. Белорусова, В. Ганцовой-Берниковой, К. В. Кудряшова, М. А. Рахматуллина, А. И. Смирнова, В. Е. Сыроечковского, С. Н. Чернова, Н. Шаханова и других.

² Н. Варадинов («История Министерства внутренних дел». Ч. III. кн. 1. СПб. 1861, стр. 82—83) отмечал, говоря о 1826 г., «употребление военной силы в одном имении, и близко от столицы, Шлиссельбургского уезда, где бы, казалось, не могло быть никаких недоразумений». В журнале «Древняя и новая Россия» (1877, т. 2, стр. 211—212) была опубликована без подписи заметка «Крестьянский бунт в Гдовском уезде», где кратко рассказывалось о подавлении в мае 1826 г. военной командой волнений крестьян в имениях Корсаковой и Дондукова и упоминался без указания цели его пребывания полковник Манзей, находившийся в уезде с военной командой.

³ И. И. Игнатович. Указ. соч., стр. 51, 55.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», стр. 62—69.

⁶ Там же, стр. 818.

⁷ Там же, стр. 817. Эти данные приведены и в «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (т. IV, стр. 258). Однако там отмечаются лишь 34 случая выступлений крестьян в 5 уездах Петербургской губернии.

Между тем документальная основа изучения этого движения остается довольно скудной.

Обнаруженные нами неизвестные ранее документы позволяют показать более конкретно ход крестьянского движения в некоторых уездах Петербургской губернии в 1826 г., уточнить его масштабы, а также меры, принятые властями для его подавления. Эти документы хранятся в Государственном архиве Калининской области (ГАКО), в составе фонда помещицкой семьи Манзей⁸ (фонд 1016). Среди 288 документов, сосредоточенных в основном в шести делах (дд. 77—82), имеется прошение крестьян гдовского имения Чеблокова к царю, 29 подписок крестьян различных имений Гдовского и Лужского уездов о повиновении, списки арестованных и наказанных крестьян, 35 предписаний петербургского генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова чиновнику особых поручений полковнику Н. Л. Манзею, посланному руководить подавлением крестьянских волнений в двух вышеуказанных уездах, около 100 донесений Манзея генерал-губернатору и его предписаний командирам военных команд, действовавших против крестьян, 68 рапортов командиров и земских исправников о «боевых действиях» против крестьян, письма помещиков уездным и губернским властям о неповиновении крестьян и с просьбами о присылке военной команды. Большая часть документов — подлинники. В копиях представлены лишь донесения и приказы Манзея.

Что же нового дают науке документы из фонда Манзей? Прежде всего они позволяют детализировать ход крестьянского движения в Гдовском и Лужском уездах, а отчасти и в ряде других уездов губернии, показать характер движения и карательные меры, направленные против него. Начало крестьянских волнений отмечается в первой половине марта. Появление в уездах и имениях военных команд не дало царским властям желаемого результата. В первой половине апреля 1826 г. были случаи неповиновения крестьян в имениях Чеблокова, Базанина, Дириной и других. Выступления крестьян носили ярко выраженный антикрепостнический характер. Вольными объявили себя крестьяне шести деревень имения Тимлер. Составление крестьянским миром прошений и самовольная посылка с ними ходоков в Петербург получили в 1826 г. широкое распространение в губернии как определенная форма борьбы крестьян против помещиков. В ряде документов ставится вопрос о выявлении причин, вызвавших массовое неповиновение крестьян помещикам. Главная причина его высказана самими крестьянами. В сохранившемся прошении на имя царя крестьяне имения Чеблокова Гдовского уезда писали, что управление помещика «довело нас до такого состояния, что недостает уже сил наших и терпения сносить те тягости и разорения, через кои довел он нас... в ничтожное состояние»⁹.

Одновременное выступление крестьян ряда имений напугало не только помещиков и уездных чиновников. По указанию Николая I (который, как видно из документов, пристально следил за подавлением крестьянских волнений в губернии) генерал-губернатор Голенищев-Кутузов спешно направляет военную команду во главе с полковником Манзеем, наделяя его широкими полномочиями. Ему предписывалось любыми средствами прекратить неповиновение крестьян¹⁰. Уже в первом своем донесении генерал-губернатору 24 апреля Манзей сообщал, что крестьянское движение быстро распространяется в обоих уездах, и просил о присылке дополнительной военной силы¹¹. 4 мая 1826 г. генерал-губернатор уведомил Манзея, что он просил у командующего гвардейским корпусом команду в 500 рядовых, а 9 мая сообщил, что по указанию царя для подавления крестьян в двух указанных уездах направляется из Кронштадта батальон 21-го Егерского полка 11-й пехотной дивизии¹², в котором в четырех ротах имелось свыше 500 рядовых. Правда, в тот же день Го-

⁸ Манзей — выходцы из Шотландии, откуда в 1733 г. один из них, Михаил, прибыл в Россию «на ловлю счастья и чинов» и был придворным хирургом. Его сын Логин, отец полковника Н. Л. Манзея, являлся директором Вышневолоцкой водной коммуникации. Манзейам принадлежали имения в Вышневолоцком уезде, Тверской губернии.

⁹ ГАКО, ф. 1016, д. 81, л. 71.

¹⁰ Там же, д. 79, л. 57.

¹¹ Там же, д. 78, лл. 7—9.

¹² Там же, д. 79, лл. 47, 68.

ленищев-Кутузов отчасти изменил свое распоряжение, и две роты указанного батальона «по встретившейся надобности», как он уведомлял Манзей, вынужден был направить в Ямбургский уезд¹³, где, как свидетельствуют документы, в это время подавлением крестьян руководил флигель-адъютант Герман¹⁴. Следовательно, к началу мая 1826 г. крестьянское движение в уездах столичной губернии получает такой размах, что для его подавления потребовались части регулярной армии, начавшие вместе с гарнизонным батальоном в буквальном смысле слова военные действия.

Документы говорят также о том, что крестьяне в ряде имений оказывали активное сопротивление военным командам. Так, из донесения исправника Лужского уезда видно, что 1 мая 80 крестьян имения Крестовской, вооруженные кольями и вилами, напали на военную команду, состоявшую из 25 рядовых, и выгнали ее вместе с исправником из деревни Пятчины. В столкновении были нанесены побои начальнику команды и некоторым солдатам¹⁵. 23 мая свыше 200 крестьян гдовского помещика Дондукова-Корсакова напали около деревни Гусевы Горы на команду из 45 человек, ранив нескольких солдат и повредив их оружие. Только после того, как солдаты предприняли штыковую атаку, восставшие отступили. Команда арестовала пятерых, среди крестьян были раненые¹⁶. 25 мая снова произошло столкновение этой же команды с толпой крестьян в 200 человек, принадлежавших тому же помещику. Крестьяне были вооружены дубинами и кольями. Они не пускали солдат в деревню Верхолыны. Получив подкрепление от егерей, команда окружила восставших, связала и арестовала свыше 150 крестьян, наказав затем многих из них розгами¹⁷. Нередки были случаи, когда после наказания крестьян и взятия от них подписки о повиновении, с уходом команды крестьяне вновь отказывались подчиняться помещику. Определенный интерес представляют сведения о том, что в ряде имений активное участие в волнениях крестьян приняли священники Афанасий Матвеев, Иван Тарасов, Николай Федотов (затем отрешенные от сана и отданные под суд), а также отставной унтер-офицер Семеновского полка Борис Иванов и отставной солдат Иуда Ефимов (арестованные и заключенные в тюрьму как зачинщики волнений крестьян)¹⁸.

Усиление антикрепостнического движения крестьян, охватившего в мае 1826 г. почти полностью Гдовский, Лужский, отчасти Ямбургский и некоторые другие уезды Петербургской губернии, а также соседние с ними уезды Псковской губернии¹⁹, вызвало со стороны царских властей не только посылку войск для подавления крестьян, но явилось главной причиной издания 12 мая 1826 г. специального манифеста «О возникшем в губерниях неповиновении крестьян», в котором объявлялись ложными всякие толки об освобождении государственных крестьян от податей, а помещичьих — от подчинения помещикам. Манифест угрожал наказаниями всем, кто будет верить слухам о свободе и подавать царю прошения об этом²⁰. Хотя в своем донесении от 19 мая генерал-губернатору Манзей и отмечал, что манифест «сделал в Лужском уезде желаемый успех», однако из этого же документа видно, что одновременно с объявлением манифеста в уезде отмечалось «появление войск», кроме того, и после манифеста почти еще месяц в этом уезде продолжались волнения крестьян²¹. Крестьяне не верили в подлинность манифеста, о чем доносил и лужский уездный исправник²². Более того, именно после его издания увеличивается число имений, крестьяне которых выходят из повиновения; сопротивление крестьян становится более упорным, переходит в открытые столкновения с военными командами.

¹³ Там же, л. 73.

¹⁴ Там же, д. 81, лл. 3, 83.

¹⁵ Там же, д. 79, л. 46.

¹⁶ Там же, д. 81, л. 59; д. 78, л. 24.

¹⁷ Там же, д. 81, л. 52.

¹⁸ Там же, д. 78, лл. 31—32. См. также док. № 10.

¹⁹ Г. М. Дейч. Крестьянское движение в Псковской губернии во второй четверти XIX века. «Ученые записки» Псковского госпединститута имени С. М. Кирова, 1955, вып. 3; Г. Дейч, Г. Фридлендер. Пушкин и крестьянские волнения 1826 года. «Литературное наследство». Т. 58. 1952.

²⁰ «Полное собрание законов Российской империи». Т. 1. 2-е изд. СПб. 1830, ст. 330.

²¹ ГАКО, ф. 1016, д. 78, л. 19.

²² Там же, д. 81, л. 49.

К середине июня 1826 г. крестьянские волнения в основном были подавлены, хотя в некоторые имения военная команда вводилась еще и во второй половине месяца²³. Манзей же по указанию Николая I был направлен 21 июня на подавление крестьян имения Кусовниковых в Шлиссельбургском уезде²⁴. Его участие в усмирении крестьян и ревностная служба крепостникам были высоко оценены царем. «Спасибо Манзею. Молодец» — вот царские слова, которые дословно передал в записке Манзею генерал-губернатор Голенищев-Кутузов²⁵. 2 июля 1826 г. Манзею «за отличное исполнение данного поручения объявлено высочайшее благоволение и повелено отдать ему в чине полковника старшинство», 22 августа он был произведен в генерал-майоры, а 24 октября того же года назначен председателем Петербургского комитета городских строений²⁶.

Изучение новых документов не только подтверждает наличие в 1826 г. в ряде уездов Петербургской губернии широкого крестьянского движения, но и позволяет существенно дополнить представление о его масштабах. Источники содержат сведения об имевших место в тот период крестьянских выступлениях (не учтенных в упомянутом сборнике документов) в 10 имениях Гдовского, 12 — Лужского и 2 — Ямбургского уездов губернии. Следовательно, отныне общее число выявленных выступлений крестьян губернии в 1826 г. составляет не 54, а 78, то есть более трети всех известных выступлений крестьян по стране в том году. Важное уточнение позволяют сделать новые документы и в вопросе о методах подавления крестьян. Вместо 6 вводов военной команды в губернию в 1826 г., как считалось ранее, по нашим подсчетам, военная команда вводилась в 43 имения; следовательно, более половины выступлений крестьян было подавлено с участием войск. Таким образом, общее число вводов военной команды в 1826 г. по стране составляло не 54, а 91.

Ниже публикуются 12 из обнаруженных нами документов.

В. Д. Чернышов

²³ Там же, л. 101.

²⁴ Там же, л. 89.

²⁵ Там же, л. 11.

²⁶ Там же, ф. 56, д. 25064.

№ 1

П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ — Н. Л. МАНЗЕЮ

22 апреля 1826 года

По случаю возникшего между крестьянами некоторых помещиков Лужского и Гдовского уездов непослушания, командирован был туда статский советник Нефедьев и в помощь земской полиции послана туда же военная команда двести человек рядовых с надлежащим числом унтер- и обер-офицеров Гвардейского гарнизонного батальона.

Г. Нефедьев, возвратясь сюда, донес мне, что причиною неповиновения крестьян было отягощение их некоторым образом работами, или налогами, но что он успел привести их кроткими мерами в послушание и что впрочем военная команда осталась в Луге и в деревнях неповиновавшихся крестьян, а земской полиции дано приказание как поступить в случае нового неповиновения крестьян.

Ныне я получил от гдовского земского суда рапорт: у сего в оригинале вклеяемый¹, из коего видно, что крестьяне других помещиков того уезда, особливо же коллежского асессора Чеблокова, у которого там 1000 душ, почти вдруг вышли из повиновения помещикам; что одна вотчина следует примеру другой и что все убеждения членов земского суда, деланные крестьянам, чтобы возвратились к послушанию, не принесли еще успеха.

По важности сего случая и по известному мне усердию вашему к службе, я препоручаю вам с получением сего нимало не медля отправиться в Гдовский уезд и как там, так и в Лужском уезде, при содействии тамошних гг. уездных предводителей дворянства, городских и земских полиций, а также и военной команды, стараться привести в послушание всех крестьян, вышедших из оного, употребляя меры, сначала кроткие, а потом, ежели будет нужно, и строгие. Главнейше должно за-

бирать под стражу зачинщиков и упорнейших, вязать и отсылать в уездный город для предания суду по законам, и для содержания между тем в тюрьме.

Благоразумие ваше укажет вам где и какое средство употребить. На сей конеп я вручаю вам открытый лист, по которому вы можете требовать во всяком случае содействия городских и земских полиций или военной команды и по которому они обязаны будут исполнять все ваши требования в точности и без малейшего промедления. Приводя таким образом крестьян в послушание, вы не оставите обратить внимание и на причины, побудившие их выйти из повиновения. Ежели сии причины окажутся заслуживающими уважения, то вы обязаны будете оказать содействие ваше в пользу крестьян и главнейше иметь попечение, чтобы они и семейства их сколько можно облегчены были в работах или поборах, чтобы они не терпели нужды в необходимом для себя содержании и чтобы с наступлением весны без всякого упущения обрабатываемы и засеваемы были поля. Об успехе в исполнении сей порученности я ожидать буду от вас донесений с каждою почтою, а в важных случаях с эстафетами.

(ГАКО, ф. 1016, д. 79, лл. 55, 57. Подлинник).

№ 2

Н. Л. МАНЗЕЙ — П. В. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

24 апреля 1826 года

...По прибытии моем Гдовского уезда в усадьбу Пелешок помещика г. гдовского уездного предводителя дворянства Татищева, известился я от него, что принадлежащие ему крестьяне Лугского и Гдовского уездов в числе 400 душ оказали совершенное к нему неповиновение и первые из них, в общем на то согласии, учинили чрез приходского священника присягу, как ваше высокопревосходительство соизволите усмотреть сие подробнее из прилагаемого здесь подлинного сообщения, поданного мне помянутым дворянским предводителем.

Находя обстоятельство сие довольно важным, тем более, что в обоих помянутых уездах, по изъяснению г. Татищева и по собранным мною в проезде сведениям, начинают распространяться возникшие беспокойства сего рода от времени более, я на первый случай предписал помянутому штабс-капитану Бухаринову немедленно прибыть из Луги с находящеюся там остальною командою из ста человек, состоящею в имение помянутого помещика Татищева, и с нарочным требую земских исправников обоих уездов в помянутую, находящуюся близ границы оных, усадьбу Пелешок, дабы немедленно открыть из оной действия мои по обоим уездам, и наипервое по местному удобству и предстоящей необходимости стараться буду всемерно привести в повиновение возмущившихся крестьян дворянского предводителя Татищева, коих пример может иметь весьма вредное влияние на прилегающие к оным селения и деревни других помещиков...

(Там же, д. 78, лл. 7—9. Копия).

№ 3

ГДОВСКИЙ УЕЗДНЫЙ ЗЕМСКИЙ ИСПРАВНИК ЭРИКС — Н. Л. МАНЗЕЮ

25 апреля 1826 года

В следствии требования вашего высокоблагородия от 25 сего апреля за № 11, имею объяснить:

1) По учиненному на местах неповинующихся крестьян разведыванию, сколько можно было из ответов собрать сведения, умозаключительно положить можно, неповиновение произошло от крестьян, кои по занятиям своим бывают часто в столице, приезжая обратно распускали слух, что государь император милостив — принимает от всех просьбы, входит в положение всех сословий и что непременно могут они надеяться получить вольность.

2) Открыть главных зачинщиков было для меня невозможно по краткости времени, меры к усмирению неповинующихся крестьян как со стороны моей, рав-

но и тех г[оспо]д дворянских заседателей, которые по сему предмету занимались, состояли в том, чтоб внушить кротким образом им их обязанность и строгость законов насчет неповиновения власти, представляя им при том все последствия, какие неминуемо должно влечь за собою их упорство, но все таковые увещания остались тщетны.

3) В дополнение к тем вотчинам, о которых рапортом от земского суда донесено было его высокопревосходительству Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору, ныне вновь открылось неповиновение крестьян помещиков — г[осподи]на здешнего дворянского предводителя* и г[осподи]на полковника Юрия Татищевых; во время проезда моего сюда на место по слухам известился я, что из имения г[осподи]на Мартынова крестьянин, бывший в С.-Петербурге с жалобой на своего помещика, ныне по возвращении в вотчину уверял в околных селениях, принадлежащих г[оспода]м Татищевым, что он надеется непременно получить вольность, что в 4-х тюрьмах находился и что ему оныя не страшны. А второй мужик, принадлежащий г[осподи]ну Николаю Татищеву, приезжая из Лугского уезда по своим надобностям в деревню Высокую, увидя, что крестьяне г[осподи]на Юрия Татищева собрались идти на барскую работу, сказал им: «что вы, дураки, слушаетесь и идете на работу, у нас в Лугском уезде никто к Татищевым на работу не ходит», — отчего 20 человек в то же время отклонились и не пошли на работу; в прочем из числа всех сих вотчин, где крестьяне показывали свое упорство, ни в одной вотчине не в силах были кроткими внушениями обратить их к своей обязанности, а в вотчине г[осподи]на Юшкова и г[осподи]на Конисского, несмотря на то, что в оныя по назначению господина статского советника Нефедьева поставлены команды, остаются в упорном своем неповиновении и даже решительно Юшкова крестьяне сказали, что делайте с нами что угодно, но мы к помещику на работу не пойдем.

(Там же, д. 79, л. 51. Подлинник).

№ 4

П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ — Н. Л. МАНЗЕЮ

4 мая 1826 года

Усмотрев из донесений вашего высокоблагородия необходимость в усилении военной команды в Гдовском и Лугском уездах для умирения мятежных крестьян², я вместе с сим отнесся, к г. командующему гвардейским корпусом, прося его отрядить лейб-гвардии из полков пехотных или кавалерийских 500 человек рядовых с офицерами в ваше распоряжение, приказав явиться одной половине в Лугский, а другой в Гдовский уезды...

(Там же, л. 47. Подлинник).

№ 5

Н. Л. МАНЗЕЙ — П. В. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

23 мая 1826 года

Высочайший манифест 13** мая, обнародованный в Гдовском уезде, не делает над мятежниками такого действия, как в Лугском³. Ослепленные крестьяне мнимую вольностью не хотят верить, чтобы сия была воля государя императора, но полагают, что это происки и хитрость помещиков и одно только войско и наказание их укрощает и убеждает в истине. По сие время благодаря бога мне все удается, вотчины здешних помещиков, как-то: Тимлера, Юрия Татищева, Дирина, Секериной и Дедюлиной приведены уже в совершенное повиновение и исполняют свои обязанности; будучи же предварен о чеблоковском имении, в коем крестьяне весьма хитры и дерзки, я взял свои меры и неожиданно занял все деревни вчерашнюю ночь. Сюрприз сей их совершенно обескуражил, и, видя себя в руках моих, заста-

* В тексте пропущено — Федора.

** Нужно: 12.

вил опомниться и прийти в повиновение, многих должен был я наказать для пользы общей и троих отослать в гдовскую тюрьму для предания осуждению...

(Там же, д. 78, л. 21. Копия).

№ 6

Н. Л. МАНЗЕЙ — РОТМИСТРУ ЛЕОНОВУ

24 мая 1826 года

Так как крестьяне в здешнем уезде * мятежны и во многих деревнях весьма буйны, то и брать вам при занятии оных военные меры предосторожности, стараться сначала сколько возможно приводить оных в порядок и повиновение кроткими мерами. Ежели же встретите упорства или буйные скопища, то в таком случае восстанавливать порядок силою оружия. Заняв деревни, иметь под присмотром, чтобы хозяева из домов отнюдь не отлучались и одна деревня с другою не имели сношения. Приведенных в повиновение обязывать подпискою, форму коей при сем прилагаю. Продовольствие иметь от обывателей.

(Там же, л. 22. Копия).

№ 7

ПОРУЧИК ПУЗЫРЕВ — Н. Л. МАНЗЕЮ

24 мая 1826 года

В силу данного предписания вашего высокоблаг[оро]дия от 23-го мая за № 47 выступить со вверенною мне командою, состоявшею из 2 унтер-офицеров, 40 рядовых и 3 казаков из имения помещика Чеблокова деревни Кислиной и следовать до погоста Рудни, не доходя оного остановиться с командою для роздыха в деревне Гусевы Горы в имении помещика Корсакова, как встречен был вышеупомянутого помещика вооруженными кольями крестьянами, ожидавших нас в сем месте более двух стами человек, укрывшихся около деревни в лесах и собравшихся из разных деревень его, в буйном виде. Я решился выйти несколько шагов вперед, дабы остановить и отвратить их от сего буйства, как один из них кинулся на меня с колом, удар был отбит шпагою, и я в ту же минуту приказал приблизиться к себе всей команде, дабы сим остановить и устранить буйство их, и старался сколь возможно от неистового и законопротивного поступка удержать, но оне, не внемля гласу совести, ниже убоясь законной власти, в минуту окружили меня со всех сторон, предвидя их наглость, стараясь еще вразумить их, но оне закричали все в один голос: «бить их» и с сим словом бросились.

Один из них ударил колом рядового Пахома Федорова по голове, и другой Василия Бабыкина, но не опасно. Видя столь дерзкие и безрассудные их поступки, вынужденным себя нашел отражать дерзость силою оружия, приказал ударить в штыки, но предупредил, чтоб щадили сколь возможно, а поступали бы же так только с такими, которые окажутся дерзостнее прочих, чем приведа в страх, и вся буйная толпа побежала на супротив лежащую гору, приказал казакам объехать их, дабы рассыпать и вместе, помогая им своею командою, разогнал во все стороны. Казаки двух схватили да команда, вверенная мне, трех, всего пять человек, которые и содержатся под арестом.

У казака же 2-го эскадрона Ивана Ермилова переломлена древка и ударен по плечу колом, но не опасно. После сего, собрав вверенную мне команду, осмотрев и опросив поодиночке каждого, нашел унтер-офицера Карпа Тимофеева ударенного по левой руке, рядовых Петра Янова — по спине, Дементия Григорьева — по левой руке, Леонтия Евдокимова — по спине и разбили приклад у ружья, Павла Петрова — по левой брови. Егора Степанова — по левому боку, но все сии удары весьма легки и не подвержены никакой опасности. У прочих повреждено несколько оружия, как-то — у Петра Ипатова сломан штык, Пахома Федорова — несколько погнут, Петра Янова — разбита ложа, Ивана Меретина — ложа, Корнея Серегина — разбит приклад, Яким Гиреева — приклад, Семена Каронина — приклад, Петра Павлова — погнут штык; о чем вашему высокоблагородию честь имею донести.

(Там же, д. 81, л. 59. Подлинник).

*** Гдовском уезде.

№ 8

П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ — Н. Л. МАНЗЕЮ

26 мая 1826 года

Гдовский земский суд от 15 числа текущего месяца за № 1812 доносит мне, что за всеми принятыми к усмирению мятежных крестьян мерами, нижеследующих владельцев крестьяне отказались от повиновения:

1) Тимлеровой * в 4-х деревнях; 2) Базанина в деревнях Ужеве и Горбове; 3) прапорщика Семевского вотчин Щепецкой и Вейнской; 4) помещицы Мейер, в разных деревнях; 5) князя Дондукова-Корсакова и бабки его Агафьи Корсаковой — Рудного погоста в разных деревнях; 6) графини Коновницыной; 7) помещика Дружинина; 8) баронессы Кампенгаузен; 9) тайного советника графа Хвостова; 10) гвардии капитана Березина и 11) помещика Юшкова.

Я поспеваю известить о сем ваше высокоблагородие с тем, чтоб не оставили более разумными распоряжениями, соответственно данным от меня предписаниям, усмирить сих мятежных крестьян и привести в повиновение владельцам, употребив на сей конец, в случае крайности, силу воинской команды.

(Там же, л. 77. Подлинник).

№ 9

Н. Л. МАНЗЕЙ — П. В. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

29 мая 1826 года

После рапорта моего из мызы Малафеевки от 23 мая за № 48 о приведении в повиновение крестьян помещика Чеблокова и прочих ⁴, спешу донести сим вашему высокопр[евосходительств]у, что с помощью всевышнего я успел уже почти совершенно кончить возложенное на меня поручение. Главнейшие вотчины Гдовского уезда, как-то: гг. Семевского, Корсакова, Мейеровой **, Струковой и Коновницыной усмирены и приведены в полное повиновение своим помещикам. Весьма трудно было достигнуть сей желаемой цели и команда от непрерывного действия утомлена, ибо пространство, на коем лежат сии имения, весьма обширно, переходы должно было делать большие и движения быстрые, но я предвидел последствия, могущие произойти от замедления и зло усилившееся уже должно было прекратить в самой скорости, дабы не дать еще более распространиться сей заразе...

В двух местах вотчины Корсаковой собирались бунтовщики, вооружены будучи кольями и вилами, но так как толпы сии были немногочисленны, то обезоруживали холодным ружьем с небольшим числом раненых с ихней стороны, с нашей же ни одного. В имении г. Семевского крестьяне оказали большое упорство. Вотчина Семевского, собравшись была вместе в одну толпу и готовилась встретить команду в поле, чем я был весьма рад и искал случая наказать за их дерзость и тем самым хорошо проучить и избежать тем затруднения, кои впоследствии мне представились, имея дело с ними порознь. Но при одних слухах чрез своих лазутчиков о приближении нашем вся сия толпа, будучи движима страхом, рассеялась.

При занятии деревень многие я встречал совершенно пустыми и даже имущества ихний и скот спрятанными в леса; не желая дать им в сем потачки, чтобы сим средством избежать наказания, я останавливался в тех деревнях на некоторое время и посредством сильных патрулей отыскивал сих беглецов, что сначала весьма затрудняло, но когда крестьяне узнали, что и сим средством они не отклоняют, а еще удваивают свое наказание, с тех пор остаются в домах и весьма покорны.

Здесь в имении я остаюсь для отдыха команды еще на одне сутки, а потом распределяю оную для совершенного окончания, часть в Лугский уезд, а другую за Гдов, где еще осталось два ослушных имения Юшкова и [госпо]жи Кампенгаузен, а остальных расположу в имении Чеблокова и Семевского для утверждения спокойствия, водворение коего стоило нам таких трудов. Сам же я, конча в Гдовском уезде, от-

* Нужно: Тимлер.

** Нужно: Мейер.

правляюсь в Лугский для таковой же цели и тогда буду иметь честь представить вашему в[ысокопревосходительст]ву подробный и точный рапорт о всех вообще моих действиях.

(Там же, д. 78, лл. 24—25. Копия).

№ 10

Н. Л. МАНЗЕЙ — ДВОРЯНСКОМУ ЗАСЕДАТЕЛЮ ГДОВСКОГО
УЕЗДНОГО ЗЕМСКОГО СУДА СНУРЧЕВСКОМУ

30 мая 1826 года

Препровождая при сем к вам главных зачинщиков бунта, на которых все крестьяне Корсакова показали согласно, что оне были первою причиною их возмущения: д. Перниц Павел Григорьев, а в особенности д. Логу Никита Дмитриев. Таковой же бунтовщик вотчины Дружинина д. Чертовой староста Василий Яковлев и отставной унтер-офицер Семеновского полка Борис Иванов, который по прочтении Манифеста в церкви явно насмехался над оным и поощрял мужиков не верить. Сих арестантов для отсылки в гдовскую тюрьму.

(Там же, д. 27. Копия).

№ 11

ЛУЖСКИЙ УЕЗДНЫЙ ЗЕМСКИЙ ИСПРАВНИК
П. ПАРСКИЙ — Н. Л. МАНЗЕЮ

8 июня 1826 года

Вашему высокоблагородию честь имею уведомить, что состоящие по Лугскому уезду вотчины, находившиеся в неповиновении у господ своих, ныне приведены в прежнее послушание и повиновение, а именно, титулярного советника Якова Глотова, вдовы подпорутчицы Рау, помещика Харламова, помещика Бащерского, генеральши Ильинской, капитана 2-го ранга Вараксина, генерал-майорши Крестовской, помещика Федора Татищева, бригадира Дмитрия Татищева, помещика Манкошева, помещика Фу-садье, полковника Бекмана, коллежской ассессорши Александры Корсаковой и коллежской секретарши Пелагеи Степановой. Ныне же еще остаются неприведенными в послушание по здешнему уезду мелкопоместные вотчины, весьма в малом количестве, коих надеюсь, отряженною от вашего высокоблагородия командою, в скором времени привести в послушание...

(Там же, д. 81, л. 86. Подлинник).

№ 12

МАЙОР А. БОЙКО — Н. Л. МАНЗЕЮ

8 июня 1826 года

Поручение ваше с удовольствием исполнил в совершенной точности, объездив под разными предлогами все деревни г. Чеблокова и сего числа только что возвратился в деревню Луг, откуда и имею удовольствие писать к вам. Но что мне сказать в оправдание помещика, разве то, что просьба крестьян⁵ не только может назваться священной по своей правде, но в ней многое еще и не помещено, чего в прочем не нахожу за нужное, как не принадлежащее к цели, объяснять здесь, но то, что заключается в 8 пунктах, изъясненных в прошении, то я через разные, можно назвать косвенные распросы крестьян оброчных и барщинных, старшин и старост, удостоверился в совершенной справедливости; и после сего как беспристрастный человек могу сказать, что г. Чеблов не только не заслуживает названия помещика, священного имени отца своих подданных, но он — упрек своему сословию, упрек в сребролюбии несчастных подданных и упрек богу на земле, потому что какой властелин изберет себе пищу приводить в нищету то, что его питает и нежит, один только человеконенавидец имеет сии правила, которым, по-видимому, г. Чеблов следует. А несчастный крестьянин,

провидением врученной во власть сибарита, должен нести ярем, иссушающий не только его слишком ограниченное состояние, но и самые источники тягостной жизни...

Не входя уже в количество оброку, сгонов и платежей за подводь, но сверх сего в 8-ми деревнях, ныне во владении г. Чеблокова состоящих, я нахожу 898 ревизских душ, составлявших 432 тягла, из коих ежели взыскать государственную подать наравне с прочими крестьянами соседних помещиков, то есть с ревизской души в год по 7 руб. сер. и 5 коп., то составит из 898 чеблоковских душ 6 330 р. с. 90 коп., следовательно, придется на тягло 14 р. с. 65 1/4 коп., а с них собирают по 30 р. с. с тягла, что составляет 12 960 р. с., так не безбожно ли это!...

(Там же, лл. 6—7. Подлинник).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о рапорте дворянского заседателя Гдовского уездного земского суда Лаврока от 15 апреля 1826 г. (ГАКО, ф. 1016, д. 81, лл. 52—54).

² О присылке новых воинских частей Н. Л. Манзей просил в донесениях от 24 апреля и 2 мая 1826 года. (Там же, д. 78, лл. 9, 18).

³ О воздействии манифеста на крестьян в Лужском уезде Н. Л. Манзей доносил генерал-губернатору 19 мая 1826 года. (Там же, л. 19).

⁴ См. док. № 5.

⁵ Прошение крестьян см. в ГАКО, ф. 1016, д. 81, лл. 71—74.